

Д. А. ПАВЛОВ

ЗАЯ-ПАНДИТА—СОЗДАТЕЛЬ СТАРОКАЛМЫЦКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КАЛМЫЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Созыв научной конференции, посвященной истории калмыцкой письменности, большое событие в научной и культурной жизни нашей республики. Замечательно то, что праздник калмыцкой письменности проводится накануне столетия со дня рождения В. И. Ленина и пятидесятилетия автономии калмыцкого народа. И мы сегодня с законной гордостью можем заявить, что данная конференция—яркое воплощение мудрой национальной политики Коммунистической партии Советского Союза и практическое осуществление ленинских указаний об изучении культурного наследия.

320 лет калмыцкой письменности «Тодо бичиг» отмечается потому, что она является выдающимся культурным наследием калмыцкого народа, которое сыграло в свое время исключительно большую роль в истории калмыцкого народа, в развитии его самобытной культуры и искусства. С созданием «Тодо бичиг» была заложена основа калмыцкого лите-

ратурного языка и положено начало калмыцкой оригинальной литературы.

Создатель ойратской (калмыцкой) письменности Зая-Пандита Огторгуйин Далай (по тибетски Намкай Жамцо) родился в год свиньи — земли (1599 г.), принадлежал кости¹ хошоутов, отоку² гөрөөчин, а в этом отоке — к семейству шангас,³ что изложено в его биографии⁴ так: «ясан¹ ину хошоуд, отог² ину гөрөөчин, гөрөөчин дотороон шангас³ амуи».

Письменные памятники свидетельствуют о том, что Зая-Пандита имел много имен и титулов, самыми распространенными были: Раджамба Зая-Пандита, Бламайин тэгээн, Намкай Жамцо, Бодо тэгээн, Огторгуйин Далай, тойин рабжамба, цэцэн рабжамба, хубараг цэцэн рабжамба, ойирадын цэцэн рабжамба, ачиту цоржи Зая-Пандита и другие, что свидетельствует об авторитете и большом почитании его в народе.

Переводческая деятельность Зая-Пандиты, началась сначала на монгольском письменном языке, видимо, с 1640 года и продолжается на созданной им письменности вплоть почти до его смерти, т. е. 1662 г.

О причинах создания «Тодо бичиг»

Ойраты, или предки калмыков, как известно, составляли основное население западной части Монголии и Тарбагатай. По свидетельству «Сокровенного сказания» и «Сборника

¹ Поколение.

² Род.

³ Название семейства.

⁴ Биография Зая-Пандиты, Улан-Батор, 1967, стр. 2-а.

летописей» персидского ученого Рашид-ад-дина ойраты составляли единый народ. Рашид-ад-дин отмечает, что еще в начале XIII века ойраты несколько отличались по своему языку от остальных монголов. О языке ойратов Рашид-ад-дин писал: «Несмотря на то, что их язык монгольский, он все же имеет небольшую разницу от языка других монгольских племен... (ойраты) всегда имели государя и вождя...¹ Б. Я. Владимирцов рассматривал ойратский язык как один из диалектов монгольского языка².

В результате распада Юаньской (Монгольской) династии в Китае и некогда единого языка монголов, диалекты ойратов, стоявшие несколько особняком от всех других монгольских диалектов XIII века, дали начало образованию самостоятельного языка ойратской народности. Г. Д. Санжеев отмечает, что процесс образования самостоятельных монгольских языков в основном протекал в XIV—XVII столетиях, а на рубеже XVI и XVII веков завершается процесс сложения современной грамматической системы монгольских языков.³

Ойраты пользовались до середины XVII века общемонгольской письменностью. Эта письменность была и национальной письменностью ойратов. Уже с середины XVII века ойраты стали иметь свою письменность, известную в науке под названием «Тодо бичиг»

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, М., т. 1, стр. 118—119.

² Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 3.

³ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., том I, стр. 16.

или «Ясное письмо». Создание особой ойратской письменности диктовалось стечением ряда причин, важнейшими из которых являются:

во-первых, образование суверенного Ойратского или Джунгарского ханства. Как известно, после падения Юаньской (Монгольской) династии ойратские племена, входившие в состав Монгольской империи, по выражению акад. С. А. Козина, как члена федерации, уже с XV века начали жить самостоятельно и независимо.

Политическая история ойратов становится известной с середины XV века именно под названием «Дөрбөн ойрат», т. е. как четырехединый Ойратский каганат.

Своего наивысшего развития Ойратское ханство достигает в XVII веке, когда на историческую арену выдвигаются такие крупные деятели своего времени, как Батур-хун-тайджи, Хо-Орлюк и Зая-Пандита.¹

Образование ойратского ханства способствовало процессу сложения ойратской народности.

В период становления Джунгарского ханства появилась настоятельная необходимость создания новой письменности, способной обслуживать все стороны общественной жизни ойратов. Старомонгольская письменность с полифонией многих ее знаков уже не отвечала возросшим государственным требованиям и задачам культурного возрождения ойратской народности.

Инициатором создания «Тодо бичиг», как

¹ Д. А. Павлов. К вопросу о создании «Тодо бичиг». Записки Калмыцкого НИИЯЛИ, выпуск 2 1962 г., стр. 109—132.

и созыва монголо-ойратского съезда 1640 года, на котором было утверждено «Великое уложение», на наш взгляд, был Батур-хун-тайджи, глава ойратского ханства, с которым Зая-Пандита поддерживал постоянную связь и находился в дружеских отношениях.

Из биографии Зая-Пандиты, написанной и опубликованной его учеником Раднабадрой, известно, что Зая-Пандита лето 1648 года провел в ставке Батур-хун-тайджи¹. По всей вероятности, в это время Зая-Пандита и начал работать над «Тодо бичиг». Биограф далее сообщает, что Зая-Пандита составил «Тодо бичиг» зимой 1648 года.² В «Сказании о Дөрбөн ойратах» Батур-Убаши Тюмендэ сказано: «Свидание и беседы с зюнгарским Батур-хун-тайджием, законодателем ойратским, окончательно убедили Зая-Пандиту приступить к великому делу. Зимой 1648 года он составил ясные буквы³».

Во-вторых, созданием новой письменности преследовалась цель способствовать распространению ламаизма среди ойратов на понятном для них письменном языке, ибо старомонгольская письменность не могла в должной мере способствовать победе Зая-Пандиты в борьбе за искоренение шаманства среди ойратов и распространению ламаизма. Ламаистская литература, которая издавалась на старописьменном монгольском языке, была крайне малопонятна не только ойратам, но и самим монголам.

¹ «Тэрэ зун зун нар Баатур хуц тайнжийн дээр зусабай». Там же стр. 7.

² «Тэрэ хулулуна жилийн үбүл тодорхой үзүг зокоон үйлэдбэй. Там же, стр. 7-6.

³ Ю. Лыткин. «Астраханские губернские ведомости», № 33 от 14. VIII—1859 г.

В этих условиях Зая-Пандита понимал бесполезность перевода буддийской литературы на старо-письменный монгольский язык для ойратов.

Что касается литературы, написанной на тибетском языке, то она не была доступна ойратам. Тибетского языка не знали большинство ойратских священнослужителей-гелюнгов. Те из лам, которые умели читать по тибетски, в своем большинстве не знали содержания прочитанного: они механически заучивали буддийские каноны.

В связи с этим, перед Зая-Пандитой и правителями Джунгарского ханства, принявшими ламаизм в качестве государственной религии, стала настоятельная задача создать новую письменность, удобную для нужд государства и буддийской церкви.

В-третьих, огромный разрыв между архаической формой написания и звуковой системой живого языка ойратов привел к явному противоречию между письмом и живой речью. Например, писали улаһан, аһула, дөрүгэ, эмэгэл, долуһан, тэмэгэн, саһуху, инагши, чилаһун, ябумуй, а говорили соответственно улаан, «красный», оула «гора», дөрөө «стремя», эмээл «седло», нааран «сюда», долоон «семь», чилоун «камень», йабна «идти». Как видно из этих примеров, монгольское правописание отражало древнее произношение, а не живой язык данной эпохи. По указанному правописанию трудно было узнать обычные, общеизвестные слова.

К периоду сложения Джунгарского государства в языке ойратов произошли большие изменения фонетического и морфологического порядка. Эти коренные изменения, происшед-

шие в языке, потребовали не реформы, а создания новой письменности. Графика старомонгольского письма не в состоянии была точно передать звуки живой речи ойратов и обеспечить потребность дальнейшего развития языка ойратской народности, а орфография стала совершенно архаичной и малодоступной.

Следовательно, несовершенство старомонгольской письменности, оторванность ее от живой речи ойратов послужили непосредственной причиной, вызывавшей необходимость создания новой письменности для ойратов.

Кроме того, при создании «Ясного письма» правители Джунгарского ханства и Зая-Пандита, по всей вероятности, как отмечают известные ученые В. Л. Котвич и Г. Д. Санжеев, стремились сделать «Тодо бичиг» общемонгольской письменностью. Об этом говорят следующие данные: во всех документах и письмах обычно встречается выражение **монголор бичсэн** «написано по-монгольски», хотя фактически написано «ясным письмом». Следует учесть и то, что «Тодо бичиг» был составлен вскоре после знаменитого Джунгарского съезда, утвердившего широко известные монголо-ойратские законы 1640 г. (Цаажин бичиг). В осуществлении этих законов, под которыми торжественно подписались виднейшие деятели Халхи, Джунгарии, Кукунора и Поволжья, немаловажную роль должна была играть общедоступная письменность, какой явилась «Тодо бичиг».

В этом отношении заслуживает большого внимания свидетельство биографа Зая-Пандиты о том, что правитель кукунорских ойратов (хошутов) Далай хун-тайджи и другие

нойоны, организовав пышную встречу Зая-Пандите, возвращающемуся со второй поездки в Тибет (1652 г.), обратились к нему со словами: «Зная Вас как самого влиятельного человека, пожелания которого не будут иметь возражения, просим обратиться к императору с повелением, чтобы он содействовал распространению монгольской литературы (имеется в виду «Тодо бичиг» Д. П.). На это Зая-Пандита, как отмечает его биограф, ответил с улыбкой: «Желание Ваше справедливо, но хан горд; когда прибуду—посмотрю»¹.

Как видно из указанного пожелания Далай хун тайджи, «Ясное письмо» и здесь называлось монгольским и не случайно вносилось предложение обратиться к императору Цинской династии за содействием в деле его распространения по всей Монголии.

Указанный факт свидетельствует о том, что «Тодо бичиг» со дня своего зарождения был призван стать общемонгольским достоянием и в его распространении во всей Монголии были заинтересованы не только правители Джунгарского ханства и Зая-Пандита, который был признанным главой духовенства Джунгарии и Восточной Монголии, но и правители кукунорского ханства, видевшие также в «Тодо бичиг» один из реальных возможностей в объединении усилий ойратов и восточных монголов против надвигавшейся опасности со стороны Цинской династии, кото-

¹ «...тани зарлиһааса үлү дабхуйин тула, хаанду монһол үзүг тэригүүтэн монһол ном дэлгэрүүл кэмээн зарлиг болхунан сайия агсанжи кэмээн айилэдхагсан ду, бламин гэгээн мүшээн үйилэдни чинэй зөб болбучу омогтой хаан амуй, күрчи мэдэй кэмээн зарлиг болбой».

Там же, стр. 14-б.

рая, захватив Внутреннюю Монголию, вплотную подошла к границам Внешней Монголии.

О том, что Зая-Пандита рассчитывал сделать «Тодо бичиг» общемонгольской письменностью, говорят и языковые факты. В переводах Зая-Пандиты и его учеников встречались наряду с новыми и старые написания тех или иных морфем и отдельных слов: суффиксы:—басу соответствующий калмыцкому—хула (**нарбасу—нархула** «если выйдет»), —макца и —мэцэ, который отсутствует в калмыцком языке и переводится на русский язык «как только», «лишь только»; аффиксы—луһа, —лүгэ часто писали наравне с —ла, —лэ (**нарлуһа—нарла** «вышел», **ирлүгэ—ирлэ** «пришел»), а морфема —муй и—мүй наряду с—най и—нэй (**нарумуй—нарунай**). «Такая непоследовательность, — писал А. Бобровников, — объясняется укоренившейся привычкой к монгольскому книжному языку и еще, вероятно, потому, что на первый раз представлялось неприличным ввести в священные тексты язык и выговор популярный... Но ныне в частной переписке и в некоторых новых сочинениях, написанных без притязания блеснуть знанием языка священного, является письмо, в точности соответствующее живому выговору»¹.

Зая-Пандита зачастую давал предпочтение в написании отдельных слов по типу халхамонгольских: **хойодуһар** «по двое», **өбөр** «сам», **өбөр-өбөрийини** «сами своих», **өдүй** «столько», **төдүй** «столько», **илаңһуйа** «особенно», **нада** «мне», **инагши** «сюда», **чинагши** «туда», **хамту** «вместе», **кэрбэ** «если».

Параллельное употребление указанных

¹ А. Бобровников. Грамматика монголо-калмыцкого языка, Казань, 1849, стр. 7.

выше языковых форм, предпочтение в написании отдельных слов по типу восточно-монгольских, помимо отмеченных А. Бобровниковым причин, объясняется стремлением Зая-Пандиты, во-первых, обогатить родной язык отсутствующими, но нужными суффиксами и словами из общемонгольского языка, во-вторых, облегчить переход восточных монголов на новую письменность. Этими целями, видимо, объясняется допущение Зая-Пандитой написание слов с губной гармонией по типу восточно-монгольских (халхаских) наречий. Этому способствовал процесс губной ассимиляции, происходивший и в самом ойратском (калмыцком) языке.¹

Зая-пандита, применив в своей письменности закон губной гармонии, в основном по типу восточно-монгольских, стремился сделать свою письменность общемонгольским достоянием.

Старокалмыцкая письменность

Созданный Зая-Пандитой 320 лет тому назад алфавит отвечает и сейчас основным требованиям лингвистической транскрипции: каждому звуку свое буквенное обозначение, передаваемое только одним знаком. И поныне ориенталисты восхищаются чрезвычайной точностью остроумно составленного алфавита Зая-Пандиты и с полным основанием считают его выдающимся лингвистом своего времени.

В алфавите Зая-Пандиты нашли свое бук-

¹ Д. А. Павлов. Некоторые вопросы развития фонетики калмыцкого языка по «Тодо бичиг». Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ, выпуск № 7, 1969, стр. 241—247.

венное обозначение не только основные фонемы, но и даже оттенки некоторых фонем родного ему языка.

Создавая новый алфавит, Зая-Пандита не стал выдумывать новые буквенные знаки, что, конечно, и не требовалось, а решил воспользоваться существующим общемонгольским алфавитом. Ему бесспорно были известны алфавиты других языков, в частности, санскрита, тибетский, маньчжурский и квадратной письменности.

В отличие от «Тодо бичиг» в «Худма бичиг»¹ не различаются о и у, ө и ү, д и т, к и г. Одним и тем же знаком обозначаются среднеязычный й и аффриката дз или в диалектах —дж. Знак, обозначающий а в начале слова, мог передавать согласный х в середине слова или сочетание гласного э и согласного н. Из 14 буквенных знаков старомонгольского алфавита только три имели самостоятельное значение—л, м, р, а остальные 11 знаков имели одновременно по несколько значений.

Несовершенство монгольского алфавита приводило к графическим омонимам, фонетическое значение которых устанавливалось только в зависимости от контекста. В силу этого одинакового писались, но по разному читались, например, такие слова, как: **дзаһун** «сто» и **йаһун** «что», **хота** «пища» и **худа** «сват», **эндэ** «здесь», **ата** «верблюд» и **ада** «сумашествие» и т. д.

Во избежание полифонии, т. е. многозначности букв, Зая-Пандита ввел дополнительно новые буквы, применял диакретические знаки, а также использовал графические сред-

¹ Название старой монгольской письменности.

ства. Так, букву под № 7, которой обозначались в монгольском алфавите звуки **о** и **у**, сохранил только в значении **ү**. Поставив к ней косую ниспадающую черточку спереди получил букву **у** (см. № 6). Для гласного **о** изобрел новую букву (см. № 4). Поставив к этой букве прямую маленькую черточку сзади наверху получил букву **ө** (см. № 5). В монгольском алфавите буквой под № 14 обозначался начальный **т** и **д**, а знаком под № 15 —звук **д** в середине слова перед гласным. Зая-Пандита взял для **т** ту букву, которая употреблялась в начале слова (см. № 14), а для **д**—то, что монголы употребляли в середине слова (см. № 15). Согласные **з** и **ж** обозначаются одинаково (см. № 19). Но перед **и** эта буква была принята как **ж**, а перед другими гласными—как **з**. Точно также **ц** и **ч** (см. № 18) передаются одинаковыми буквами. Перед **и** данная буква принята как **ч**, а перед остальными гласными — как **ц**.

Таким образом, Зая-Пандита, внося соответственную реформу в монгольский алфавит, избежал полифонию знаков и графически рационально построил свой алфавит.

Изученные нами материалы позволяют сделать выводы: Зая-Пандита ввел дополнительно не семь, а пять новых букв для передачи звуков **э**, **о**, **к** (твердый) **к**, **и**, указанные в таблице алфавита соответственно под №№ 2, 4, 21, 22, а буква **и** дана в таблице № 1 под № 3, о чем будет сказано ниже. Кроме того, уточнил значение употребления букв, обозначенных под №№ 19, 20, сохранив за среднеязычным **й** букву, обозначенную под № 20, а для **з** и **ж**—буквы под № 19.

Знаки старокалмыцкого алфавита

Порядок букв	Н а ч е р т а н и я				Транскрипция
	отдельное	начальное	среднее	конечное	
1					а
2					е
3					і
4					о
5					oo
6					у
7					у
8					h
9					х
10					б
11					бб
12					с
13					ш
14					т

Порядок букв	Н а ч е р т а н и я				Транскрипция
	отдельное	начальное	среднее	конечное	
15		д	д	д	д
16		л	л	л	л
17		м	м	м	м
18		ц, ч	ц, ч		ц, ч
19		з, ж	з, ж		з, ж
20		ј	ј		ј
21		к	к		к
22		к	к		к
23			к	к	к [полуглухой]
24		г	г		г
25		р	р	р	р
26		н	н	н	н

Г а л и к и

1	2	3	4	5	6	7	8	9
л	ж	ч	ш	ц	к	кх	н	п
в	п	ч	ж	дз	ц	к	кх	н

В старомонгольском алфавите буквой под № 20, как сказано выше, передавались звуки й и з, или в диалектах ж¹ в середине слова. Знак, обозначенный под № 18, передавал аффрикату ч в любой позиции слова. Семь букв снабжены особыми диакретическими знаками: у, н, х, һ (см. № 10), к (см. № 23) — диакретическими знаками спереди, а буквы ш, ө — диакретическими знаками сзади.

Для передачи звуков в заимствованных словах, особенно из тибетского и санскрита, были изобретены особые транскрипционные знаки, называемые галик, более распространенные из которых даны в указанной таблице алфавита по графе галики.

Далее, касаясь вопроса о буквенных знаках старокалмыцкой письменности, следует отметить, что в начале прошлого, XIX века в Поволжье благодаря стараниям русских ориенталистов впервые был отлит разборный шрифт по прекрасным образцам калмыцкой национальной каллиграфии. Большое содействие в отливке этих шрифтов оказал И. Я. Шмидт. Шрифты были двух образцов: мелкий и более крупный. Более крупный шрифт был, видимо, отлит несколько позже. Этим крупным шрифтом, например, в 1892 г. были изданы А. М. Позднеевым в г. С-Петербурге «Калмыцкие народные сказки».²

Просмотренная нами печатная продукция, в том числе калмыцко-русские буквари, по-

¹ Г. Д. Санжеев. Старописьменный монгольский язык, М., 1964, стр. 15.

² Шрифты были отлиты по заказу Управления калмыцким народом в 1815 году. Кассы с калмыцким шрифтом были организованы в С. Петербурге в типографии Академии наук, в типографии Казанского университета и в Астрахани.

казывают, что все они в основном печатались шрифтом более мелкого образца. Оба образца шрифта красивы по внешнему виду и очень четки.

Касаясь букваря Н. Бадмаева, В. Л. Котвич в предисловии калмыцко-русского букваря, изданного в 1915 году в его соавторстве, отмечает «В 1911 году второе издание было перепечатано более крупным шрифтом»¹.

Этот шрифт выгодно отличается не только внешним красивым своим видом, но и устранением ряда упущений, допущенных в прежних отливках, а также введением новых знаков.

Таблица № 1

а	л	і	э	ы	ѳ	а	о	а	ы	ѳ
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
в	э	и	п	п	ж	ч	к	о	к	б

Крупные отливки шрифтов показывают следующее:

1. Галик в уже стал сходным с рукописным оригиналом Зая-Пандиты (таблица № 1, знак № 1). Этим галиком со временем стали обозначать соответствующий звук не только в заимствованных словах, но и в словах родного калмыцкого языка в связи с появлением особой фонемы в, развившейся из губно-губного б. Теперь некоторые даже оспаривают, были ли буквы в и п (знаки № 1 и № 4) галиками. Ради справедливости мы сочли нужным вывести эти буквенные знаки из ос-

¹ В. Л. Котвич ошибочно указывает 1911 год, в действительности был издан в 1910 году в С-Петербурге.

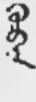
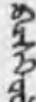
новой таблицы алфавита¹ в раздел галики.

В букваре Н. Бадмаева значатся галики для обозначения согласных ч и к (стр. 8), обозначенные нами в таблице № 1 под №№ 7 и 8. Этих знаков нет в списках галиков Зая-Пандиты на «Тодо бичиг», приложенных к переводу биографии Зая-Пандиты на монгольский язык (Улан-Батор, 1959 год), а также в списках галиков, указанных в грамматиках А. Попова (1847 г.) и А. Бобровникова (1849 г.). Это значит, что указанные галики были введены здесь, в Поволжье, что нашло свое употребление не только в рукописи, но и в печатной продукции. Кроме того, были введены рукописные знаки для к (№ 10) и б (№ 11). Галиком к (№ 8) обозначались заимствованные слова из русского и через русский язык.

Введение особого галика для обозначения ч диктовалось необходимостью различать на письме ч и ц не только в заимствованных словах из русского и через русский язык, но происшедшим переломом гласного и в самом родном языке. Существующий способ различения ч и ц, равно з и ж в связи с переломом и, уже не отвечал практическим требованиям письма. Этим следует объяснить факт широкого использования галика ч и ж (см. таблицу № 2) для обозначения слов родного языка со звуком ж и ч. В новом крупном печатном образце галик ж имеет закругления в конце своей головки (Сравните знак № 6 в таблице № 1 со знаком № 4 в таблице алфавита по строке галики).

¹ А. Попов, Грамматика калмыцкого языка, Казань, 1847 г., стр. 3—4.

Таблица № 2

								
1	2	3	4	5	6	7	8	9

Здесь даны слова: **чилуун** (№ 1) и **чолуун** (№ 2). Они обозначают каждый в отдельности «камень», **чонжи** (№ 3) «церковь», **жил** (№ 4, 5) год», **жоло**:¹ (№ 6 и 7) «поводья», **копна** (№ 8), **пистуул** (№ 9) «пистолет». Если сравнить их, то в словах под № 2, 3 в отличие от слова № 1, начальный ч является галиком. Галиком же является ж в слове под № 5 в отличие от ч в слове под № 4, в слове под № 7 начальный ж является галиком, в отличие от ч в слове под № 6, галиками являются начальный к в слове **копна** (№ 8) и п в слове **пистуул** (№ 9).

2. Знак, обозначающий гласной э (таблица алфавита знак № 2) в печатном виде, несколько отличается от своего рукописного оригинала тем, что в последнем передняя линия головки имеет не прямую, а полукруглую форму. Этот пробел устранен в новых отливках шрифтов, которым отпечатан указанный букварь (таблица № 1, знак № 2).

3. Печатный знак начального и среднего и (таблица алфавита, знак № 3) в какой-то мере напоминает собой монгольский и в указанных позициях, тогда как в оригинале Зая-Пандиты данный знак по своей форме несколько отличается. В новых отливках шриф-

¹ Знаком: будет обозначаться в дальнейшем долгота соответствующих гласных, которые в письменности Зая-Пандиты отмечались диакретическим знаком долготы (удан).

тов печатная форма буквы и уже сходна с ее рукописным оригиналом (сравните знак № 3 таблицы алфавита со знаком № 3 таблицы № 1).

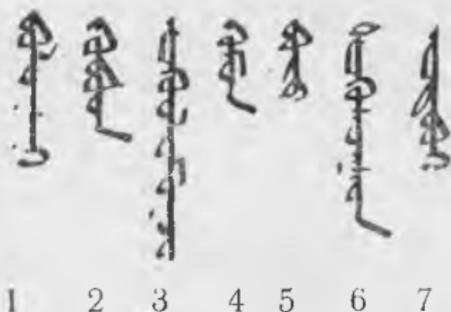
4. В алфавите Зая-Пандиты не было особого знака для обозначения звука **п** родного языка. Звук **п**, имевшийся в изобразительных словах родного языка, обозначался галиком **п** (таблица алфавита, знак № 2 по строке галики). В рукописных оригиналах Зая-Пандиты встречается еще галик **п** (таблица № 1, знак 5), который в старокалмышкой письменности встречается наряду с галиком **п**, данным в таблице № 1, знак 4).

5. В переводах Зая-Пандиты встречается галик для обозначения **к** (твердого), что дано в таблице алфавита по графе галики под № 7. Зая-Пандита не стал пользоваться указанным буквенным знаком для обозначения велярно-заднеязычного смычного **к** родного языка. Он изобрел особый знак для указанного звука, что обозначено в таблице алфавита под № 21. Изобретение Зая-Пандитой для обозначения **к** (твердого) особого знака свидетельствует об устойчивом характере этого звука в ойратском (калмышском) языке в отличие от монгольского (халхаского наречия), в котором, как известно, указанный звук развился в проточный **х**.

Из текстов Алтан гэрэл, Доржи жодба и биографии Зая-Пандиты видно последовательное обозначение гласного **о** не только после согласных **б**, **к** и **г** при их непосредственном сочетании, но и с другими буквами. Разница заключается в том, что в рукописи после указанных трех согласных буква **о** подходит в какой-то мере на квадрат, а в соче-

тании с остальными буквами имеет несколько продолговатую форму при сохранении общего одинакового начертания. В таблице № 1 (знак № 9) показана буква **о**, вырезанная из слова **болугсани**, а само слово дано под № 1 в таблице № 3. Если сравнить эту букву с буквой **о** в таблице алфавита (знак № 4), то она является одинаковой по своему начертанию и ничем не отличается. При сравнении указанной буквы с начальной буквой **о** в слове **одбой** (под № 7, таблица № 3) без учета ее начального зубца и с буквой **ө** в слове **төгүсүгсэн** (под № 6, таблица № 3), то в этих словах буквы **о** и **ө** несколько продолговатее, но общее начертание их не отличается. Это видно и на указанном слове **одбой**, где начальная **о** без учета зубца по своему общему начертанию одинакова с буквой **о** последнего слога.

Таблица № 3

Указанные в таблице № 3 слова сфотографированы из рукописного текста Алтан гэрэл «золотой блеск», переведенного Зая-Пандитой. Первое слово означает **болугсани** «ставший», второе—**көбөүн** «сын, мальчик», третье—**өгүүлэмэгцэ** «как только послал», четвертое—**күмүн** «человек», пятое—**буйу** «или».

шестое—**төгүсүгсэн** «законченный», седьмое—**одбои** «пошел».

Из этих примеров видно, что слоги **бо**, **бө**, **кө**, **гө** в словах под № 1, 2, 3, 4, как было сказано, имеют одинаковую форму, сходную с обычным **о** (таблица алфавита, знак № 4), а слоги **кү**, **бу**, **гү** в словах под № 4, 5, 6 имеют буквы **ү** и **у**. Здесь **у** отличается от **ү** тем, что имеет перед собой диакретический знак.

Буква **о** в сочетании с мягкими согласными **к** и **г** не выделялась диакретическим знаком сзади и читается исходя из гармонии слога не как **о**, а как **ө**. В сочетании с **б**, как и в других позициях, указанная буква отличалась диакретическим знаком сзади, отличающим **ө** от **о** (таблица № 3, слово **көбөүн** под № 2).

Интересно отметить, что способ орфографирования гласного **ө** в сочетании с мягкими **к** и **г** буквой **о** перекликается с таким же способом орфографирования в квадратной письменности, где после **к** и **г** не пишется **ү**, а пишется **у**, «так как указание на передний характер гласного дают эти согласные, сочетающиеся лишь с передними гласными, ...точно такое же указание на передний характер вокализма всего слова в целом дают непарные слоги **ку** или **гу**.¹»

Таким образом, Зая-Пандита последовательно сохранял общее начертание **о** в любой позиции слова и в любых сочетаниях с согласными. Это обстоятельство позволяло безошибочно прочитать слова со слогами на **бо** и не путать их со словами, где имеются слоги на **бү**.

¹ Н. Н. Полпе. Квадратная письменность, 1941, М.-Л., стр. 3—7.

В печатной продукции, изданной в Поволжье, нам не удалось обнаружить букву **о**, напоминающую собой квадрат, в сочетании с согласными **б**, **к** и **г**. Это было, на наш взгляд, упущением, допущенным при заказе впервые печатного шрифта. Постепенно перестали обозначать букву **о** по образцу Зая-Пандиты в сочетании с указанными тремя согласными и в рукописи, полностью следуя печатному образцу, где после **б**, **к** и **г**, гласные **о**, **ө** передаются одинаково как **ү**, но с обозначением диакритического знака для **ө**. Поэтому не случайно допускается путаница при чтении слов, где не различаются слоги **бо** и **бү**.

Изложенное иллюстрируется следующими примерами:

Таблица № 4

						
1	2	3	4	5	6	7

Здесь первое слово **бог** «сор», второе— **бүр** «опавшие листочки растения», третье— **боти** «том, экземпляр», четвертое— **болиши үгэй** «нельзя», пятое— **бүчир** «веточка», шестое— **бусэ** «пояс», седьмое— **торбор** «препятствие», задержка».

Эти и подобные им слова невозможно сразу правильно прочитать, так как гласные первого слога в указанных словах после **б** обозначены одинаково. Их можно прочитать правильно только исходя из контекста, а некоторые из них по закону сингармонизма гласных. Это в свою очередь вызывает перечитку или сосредоточение излишнего внимания на то, чтобы правильно их прочитать. В текстах

же самого Зая-Пандиты такая путаница, как показано в таблице № 3, исключается.

Зая-Пандита в своем алфавите допустил определенную преемственность графической системы старомонгольской письменности, что отмечено в означенной нашей статье о «Тодо бичиг».

Здесь укажем лишь некоторые графические средства, используемые в письменности Зая-Пандиты:

1. Гласные, которые писались отдельно от слова, имели несколько отличное начертание по сравнению с теми, которые стояли в начале слова, исключения касались гласных о и ө. Это видно на таблице алфавита (графа начертание отдельное).

2. Буква а в конечной позиции слова имеет двойное начертание: знак с кончиком назад пишется на конце после всех букв, кроме к, г и б. После этих трех букв в конце слова пишется знак с кончиком вперед (таблица алфавита, знак № 1).

3. Любая гласная, стоящая в начале слова, имеет зубчик (аран). Эти зубчики в середине и конце слова обычно не пишутся.

Говоря далее об орфографии старописьменного калмыцкого языка, построенного на педантично выдержанном морфолого-этимологическом принципе, считаем необходимым подчеркнуть следующее:

1. Знаменательные части слова (морфемы): корень, суффиксы и т. д.—пишутся всегда одинаково, независимо от различий в их произношении. В качестве основы написания имен берется именительный падеж, а глаголов—повелительная форма, к которым при словообразованиях и словоизменениях присое-

диняются соответствующие аффиксы. Если буквенный состав морфем передает фонетический облик морфем вплоть до каждого звука в наиболее дифференцированном его положении, то морфологическим написанием корня данного слова сохраняется единообразие последнего во всех его формах.

2. Строго соблюдается закон сингармонизма гласных. В одном слове не пишутся гласные переднего (э, ө, ү) и заднего (а, о, у) рядов. Гласный и, как звук нейтрального ряда, встречается с гласными любых рядов. Слоги ги и ки встречаются в одном слове с любыми гласными.

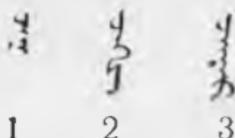
Кроме того, орфография Зая-Пандиты характеризуется наличием закона губного притяжения или губной гармонии, т. е. лабиализация гласных а и э в положении после о и ө, а также дифтонгов ай, эй. Иными словами после о и ө первого слова следует тоже о и ө. Долгие а:, э:, дифтонги ай, эй в положении после о и ө, оо и өө также подчиняются закону губной гармонии, т. е. пишутся в соответствии с гласными о и ө первого слога слова: **олон** «много», **хойор** «двое», **өмнө** «впереди», **доло:н** «семь», **нохой** «собака», **дөрө:** «стремля», **дөрө:төй** «со стремями», **доторо:со** «изнутри», **толоһой** «голова», **хойино** «сзади», «после».

В этом отношении, как было сказано, орфография старокалмыцкой письменности имеет прямое соответствие с восточно-монгольскими наречиями типа халхаского.

В зая-пандитской или старокалмыцкой письменности, помимо отражения общего закона сингармонизма гласных, отмечается и закон гармонии слога. В силу этого соглас-

ные **х** и **h'** пишутся только с гласным твердого ряда, а согласные **г** и **к**—только с гласными мягкого ряда: **кэлэку** «говорить», но **соуху** «сидеть», **өрөшө:нгүй** «милосердие», но **хура:нһуй** «сборник». Данный закон распространен и на заимствованные слова, освоенные сначала изустно: **күүтр** «хутор», **хаш** «каша», **Ховц** «Кубань», **Хазн** «Казань» и т. д.

В соответствии с этим законом конечный **к** (полуглухой) слова (таблица алфавита, знак № 23) перед **и** передавался через **г**, а перед **а**—через **һ**, например: **цак** «время», но **цаги:ги** «время», **цаһа:р** «временем». Это видно и на примере из «Тодо бичиг».

Здесь первое слово **цак** «время», где конечный **к** является полуглухим, т. е. его начало звонкое, а конец—глухой, второе—**цаги** «время» (вин. пад.), третье—**цаһа:р** «временем».

3. Долгие гласные в старо-калмыцкой письменности передаются следующим образом:

а) при помощи особого знака, называемого уда:н. Этот диакритический знак в виде черточки ставится справа у гласной буквы. Знак долготы ставится при долгих гласных **а:**, **э:**, **о:**, **ө:**, **и:**. Примеры транскрипции: **ула:н** «красный», **дэ:рэ** «наверху», **чи:к** «сырость», **һо:** «прямой»: **ө:дө** «наверх», **дөрө:** «стремя», **бө:** «шаман», **бари:д** «взявший», **хани:дун** «кашель», **то:сон** «ныль».

Указанный способ обозначения долгих глас-

¹ Данной буквой передается знак под № 10 в таблице алфавита.

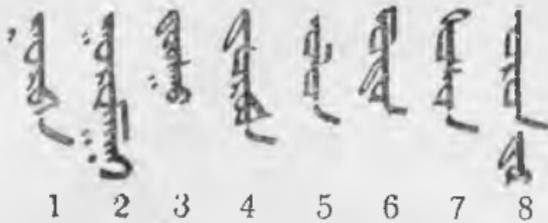
ных, как показывают наши наблюдения, представляет собой и определенный орфографический прием для выражения двух важных языковых явлений: во-первых, передача на письме сочетаний *иа*, *иэ*, не успевших еще стянуться в соответствующие долгие гласные: *тэжи:л*, *күли:сүн*, *бари:д*, *нари:р*, *күчи:р*, а произносили скорее всего: *тэжиэл* «питание», *күлиэсүн* «ждавший», *бориад* «поймав», *нариар* «тоныше», *күчиэр* «насильно», во-вторых, обозначение на письме начавшейся палатализации согласных *л*, *н*, *т* под влиянием гласного и соседнего слога *хани:дун*, *хали:ху*, *мали:*, *хари:д*, а произносили, видимо, *хан'иадун* «кашель», *хал'иаху* «смотреть», *хат'иар* «редкий», *мал'иа*, *хар'иад*, возможно *хэриад* «возвратившись».

б) при помощи удвоенного обозначения одной и той же буквы *уу* и *үү*. Примеры: *ууху* «пить», *уурук* «молозиво», *буурул* «седой», *буура* «самец верблюда», *үчүүкэн* «маленький».

При удвоенном обозначении долгого *у*: диакретический знак, отличающий *у* от *ү* в виде косой черточки ставится впереди первого *у*, а впереди второго *у* не ставится (см. слово *чолуун* под № 1, 2 в таблице № 2).

Исходя из закона сингармонизма гласных и гармонии слога в зая-пандитской письменности допускалось написание гласного *у* без диакретического знака после согласных *х*, *н*, а также в сочетаниях *у* с другими гласными, например: *хубцасун* «одежда», *маңһус* «великан», *халоун* «горячий», *хаурай* «сухой».

Здесь даны слова *һурбан* «три», *хурумхани* «сбор», *доусху* «окончить», *дөрбөн* «четы-

ре», **олон** «много», **модун** «дерево», **то:сун** «пыль», **оронду** «вместо».

В словах **хурбан** «три» (№ 1) после **h** гласный **у** дан без диакретического знака, в слове **хурумхани** «сбор» (№ 2) гласный **у** первого слога тоже не имеет диакретический знак, в слове **доусху** «окончить» (№ 3) не имеет диакретического знака **у**, стоящего после **о**. В словах **дөрбөн** «семь» (№ 4), **олон** «много» (№ 5), **оронду** «вместо» (№ 7) показано соблюдение закона губной гармонии, а в словах **модун** «дерево» (№ 6), **то:сун** «пыль» (№ 7) — отступление от этого закона, вернее сохранение старой формы.

Таким образом, орфография старописьменного калмыцкого языка представляет собой строгую систему правил, в которой выделяются значимые элементы и тогда, когда произношение не дает порою для этого достаточного основания. Но в то же время эта система, используя опорные и поверочные написания для подавляющего большинства написаний, сохраняет связь с произношением.

Знакомство с зая-пандитской письменностью позволяет сделать выводы о том, что Зая-Пандита, будучи высокообразованным человеком своей эпохи, был знаком с древнеиндийскими грамматическими трактатами Панини и других выдающихся филологов; он учел сильные и слабые стороны письменности

известных ему монгольского, тибетского языков и санскрита, и это позволило ему очень продуманно подойти к разработке письменности родного языка. Зая-Пандита действительно создал легкую и удобную письменность, состоящую из небольшого количества букв. Письменность, не порывавшую со старыми монголо-ойратскими национальными традициями, с одной стороны, и, дававшую возможность калмыку писать по-калмыцки, точно передавая на письме звуки родного языка, с другой стороны.

Калмыцкий литературный язык

С добровольным вхождением значительной части ойратов в состав России в начале XVII века, за которыми здесь окончательно закрепилось название калмыки, складывается особая калмыцкая народность. Калмыки—это потомки ойратов. «Калмыки принесли с собой на Волгу определенные культурные навыки и традиции, приобретенные их предками в ходе многовекового исторического развития и в том числе богатую традицию летописания и устного творчества».¹

Калмыки имели свой вполне сложившийся родной язык, истоки которого восходят к общеойратскому. Ойратский язык сложился как особый язык в конце XVI—начале XVII веков. Формирование же ойратского языка происходило параллельно процессу консолидации ойратов в особую народность и, будучи одним из основных признаков народности, подтверждает завершение этого процесса.

¹ Очерки истории Калмыцкой АССР, М., 1967 г., стр. 396.

Новая письменность, созданная Зая-Пандитой, в исключительно короткий срок стала единственной основой ойратского литературного языка, получившего признание у всех ойратских народностей Джунгарии, Кукунора и Поволжья.

«Тодо бичиг» оказалась очень жизненной, способной точно отразить происшедшие изменения в языке и служить не только для нужд государственной переписки и буддийской церкви, но и быть хранителем литературного языка.

Относительное единство ойратских говоров позволило Зая-Пандите создать не только совершенную письменность, но и литературный язык, по своему стилю и богатству языковых форм не уступавший ни одному из письменных языков той эпохи.

Акад. Б. Я. Владимирцов писал: «Как бы отвечая новым потребностям и национальному самосознанию... Зая-Пандита... изобрел в 1648 году ойратский алфавит... Зая-Пандита не ограничился изобретением новых букв и нового правописания, он стремился создать новый литературный общеойратский письменный язык.

Зая-Пандита со своей задачей справился вполне: он создал действительно общий литературный язык на почве ойратских говоров. По-видимому, для Зая-Пандиты материалом еще послужил и живой эпический язык ойратов»¹.

Общеойратский литературный язык, начало которому положил Зая-Пандита, был понятен

¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929 г., стр. 25—26.

всем членам общества, так как он возник не искусственным путем, а на базе общенародного живого разговорного языка, языка устного народного творчества, типичным образцом которого являются героический эпос «Джангар», повесть «История Убаши-хун-тайджи».

С созданием своей письменности и литературного языка быстро стала развиваться общеойратская литература, которая по выражению акад. С. А. Козина «отпочковалась от единой монгольской литературы XIV—XV столетия, хотя все еще и оставалась на базе единой монгольской письменности».¹

В старописьменном калмыцком языке, являющемся составной частью общеойратского языка, мы видим его неразрывную связь с общенародным языком, наличие единых, фиксированных в целом языковых норм (в области фонетики, грамматики, лексики и синтаксиса), разнообразие сфер применения, распространенность его на всей территории Калмыкии.

На новый письменный литературный язык были переведены Зая-Пандитой 177 названий сочинений, его учениками—37 названий, а всего свыше 200 названий сочинений из санскрита, тибетского и отчасти монгольского языков по самым различным отраслям знания: по религии, философии, медицине, филологии и др.

Эти переводы способствовали развитию калмыцкого языка, закреплению созданной Зая-Пандитой литературы, медицинской и философской терминологии и дальнейшему обо-

¹ С. А. Козин. Джангариада, Л. 1940, стр. 13.

гашению калмыцкого языка разнообразной лексикой, как заимствованной, так и образованной внутренними средствами самого языка.

«Калмыцкие ученые переводчики, — пишет монгольский академик Ринчен, — внесли значительный вклад в монголо-ойратскую литературу и тем самым подготовили почву для создания собственного калмыцкого или ойратского литературного языка, питавшегося как книжно-литературным монгольским, так и устно-литературным калмыцким языком, живущим и по сей день в богатейшем калмыцком народном эпосе, причем уже в первые годы существования собственно калмыцкой или ойратской письменности литературный язык калмыков был настолько разработан плеядой талантливых учеников и сподвижников Зая-Пандиты Огторгуйн Далая, что позволил создать блестящие переводы сложнейших философских, медицинских и других текстов, которые немислимы у народа, только что создавшего знаки для изображения звуков своей речи».¹

Из переводов Зая-Пандиты видно его бережное отношение и глубоко научный подход к использованию грамматических форм, словообразующих средств не только живого родного языка, но и общемонгольского письменного языка. Он смело заимствовал и сохранил в своей письменности те грамматические формы, которых не было в родном языке и которые обогащали родной его язык.

Подытоживая сказанное, следует отметить,

¹ Ринчен. Ойратские переводы с китайского. Ежегодник востоковедения, XXX, Варшава, 1966 г., стр. 59.

что начальный или общемонгольский период в развитии калмыцкого языка, охватывающий XIII и XIV века, характеризуется тем, что язык ойратов представляет собой один из диалектов¹ монгольского языка, и ойраты пользуются общемонгольским письменным языком. Средний период делится на два этапа. Первый охватывает конец XIV и первую половину XVII веков. В течение этого этапа формируется самостоятельный ойратский язык. Этот этап завершается созданием старокалмыцкой или зая-пандитской письменности «Тодо бичиг». Второй этап среднего периода в развитии калмыцкого языка начинается со времени добровольного вхождения значительной части ойратов в состав Русского государства.

После победы Октябрьской социалистической революции начинается новый период в развитии калмыцкого литературного языка.

Следует особо подчеркнуть, что калмыцкий язык в Поволжье получает свое самостоятельное развитие в новых исторических условиях. Он начал развиваться параллельно с общеойратским языком Джунгарии. Именно в Поволжье получает свое дальнейшее развитие калмыцкий литературный язык. Он подвергается впервые здесь научному изучению крупных ученых, и этот язык становится предметом изучения в высших востоковедных и специальных учебных заведениях. Однако общественная функция калмыцкого языка до революции остается крайне ограниченной.

О языке поволжских калмыков профессор К. Голстунский писал: «...язык народный, яв-

¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика..., стр. 3—4.

ляющийся в говоре и национальных произведений, как то в сказках, песнях... представляется совершенно другой мир, строение и обороты речи являются более легкими и свободными, течение ее значительно плавнее и игривее, чем в языке номов; выступает на сцену много новых грамматических форм комбинаций, легче объясняемых, чем все книжные формы; встречаются слова, которые, может быть, никогда не заносились в язык литературный».¹

В Поволжье было издано немалое количество литературы по разным вопросам, в том числе научного и учебного характера, словари исследования по калмыцкому языку.

На калмыцком литературном старописьменном языке впервые были записаны Джангариада, Гессериада, Улгурин дала «Море пословиц», много поговорок и сказок, в том числе «Сиддит-кюр» (волшебный мертвец), написан замечательный труд по иглотерапии, переложены «Великое уложение» и другие важные документы государственного значения. Был создан на этом языке целый ряд оригинальной литературы. Вся официальная переписка с царским правительством велась на калмыцком старописьменном языке. Этим письменным языком в XVII веке пользовались иногда в переписке с царским правительством хакасы, киргизы, горноалтайцы, тувинцы.

В калмыцком старописьменном языке имеется значительное количество заимствованной лексики. В этом большая заслуга Зая-Пандиты. Он, как выдающийся лингвист, понимал,

¹ К. Голстунский, Там же, стр. 12.

что нельзя замыкаться в скорлупу языковых средств родного языка. Не случайно в его переводах встречаются нужные грамматические формы, особенно лексика, заимствованная из санскрита, тибетского, тюрского, монгольского и китайского языков. Через посредство тибетского языка и санскрита вошли заимствованные слова из греческого, арабского. Заимствованные слова namного обогатили лексику калмыцкого литературного языка. Эта лексика по своему составу является философской, медицинской, астрономической, лингвистической и буддийской религии.

В порядке иллюстрации сказанного приведем лишь некоторое количество слов, освоенных в калмыцком языке по его фонетическим законам: ном «книга», «наука», дегтр «книга», бөлг «отдел», билг «талант», зэрм «некоторые», зерлг «дикий», шагшавд «нравственность», эрднь «драгоценность», судр «сочинение», тэрн «заклинание», маань «молитва», лам «лама», «монах», һавл «череп», сүмр «круг», «диск», авъяс «привычка», эдс «благословение», даян «созерцание», зул «лампада», санср «круг существования», очр «алмаз», бадг «строфа», шүлг «стих», боть «том», эңг «часть», тиб «континент», эрк «водка», анир «граната», болд «сталь», дэр «порох», зандн «сандаловое дерево», махмуд «тело», бодь «материя», зать «мускатный орех», цуув «тулуп», тээж «принц», нойон «князь», цальн «жалованье».

Названия собственных калмыцких имен, а также названия дней недели по своему происхождению являются, в основном, тибетскими и санскритскими. Знаки для обозначения цифр были заимствованы у индийцев.

Как видно, калмыцкий литературный язык на протяжении своего развития, совершенствуя свои грамматические формы, обогащая внутренние словообразующие средства, стал очень стройным, богатым и красочным языком.

«Современный литературный язык волжских калмыков,—писал проф. А. Позднеев¹,—доселе еще остался таким же изящным, богатым своим лексиконом и своими формами, а потому и таким же строго определенным как в выражении понятий, так и взаимоотношениях их, каким видели мы этот язык и в прежних произведениях чжунгаров, или первых выходцев на берега Волги. Живучесть форм этого языка поистине может почитаться поразительной».

Таким образом, современный калмыцкий литературный язык прошел сложный и длительный путь в своем развитии. Он развился как самостоятельный язык на основе общеойратского литературного языка и сформировался в дальнейшем как язык калмыцкой народности, а затем и нации, будучи их составным элементом, получив подлинное свое развитие лишь после Великого Октября.

Значение старокалмыцкой письменности

Среди отдельных монголистов существовало необоснованное мнение о малограмотности зая-пандитской письменности. Изученные нами материалы показывают ошибочность такого умозаключения. Наоборот, «Тодо бичиг»

¹ А. Позднеев. Предисловие к «Сказанию о хождении в Тибетскую страну малодербетовского база-багши», С-Петербург., 1897, стр. 15.

отличается богатством своих языковых форм, удивительно точным алфавитом, четкой и строго последовательной орфографией. Малограмотным оказался не «Тодо бичиг», а те отдельные лица, которые не пройдя должную школу, писали как им вздумается. Этим они порочили «Тодо бичиг». Эта письменность по своему совершенству была на должном научном уровне своей эпохи, подстать сочному, красочному живому языку калмыков на Волге, ойратов— в Джунгарии, языку, выражавшему кипучую и деятельную жизнь их посителей.

Зая-Пандита, преследуя далеко идущую цель постепенного распространения «Тодо бичиг» на весь монголоязычный мир, проводил большую работу по выработке и усовершенствованию философской и другой терминологии, порою ломая ранее установленные.

Однако ему и его последователям не удалось распространить «Тодо бичиг» на Восточную Монголию. Виною этому, на наш взгляд, те исторические условия, в которых оказались Джунгария и Монголия в целом. Цинская династия, покорив всю Монголию, уничтожив Джунгарское государство, установила тогда диктаторский режим в Монголии.

В таких условиях не могло быть и речи о распространении «Тодо бичиг». Вот почему более совершенный «Тодо бичиг» остался письменностью «второго» сорта по сравнению с несовершенной «Худма бичиг».

Несмотря на это, «и все же мне приходилось видеть,—пишет Б. Ринчен.¹—монгольские рукописи прошлого века, в которых в

¹ Б. Ринчен. Там же, стр. 63.

некоторой степени отразилось влияние «ясного» письма—тодо үсүг Дзая-Пандита Огторгуйн Далая Хошутского. В этих, виденных мною рукописях, буквы д и т, имеющие в общемонгольском общее написание различались так же как и в калмыцком, а знак һ имел как и в алфавите Огторгуйн Далая маленький кружок вместо двоеточия в монгольском. Двоеточие же, служившее в монгольском диакритическим знаком для отличия һ и г, в этих рукописях XVIII и XIX веков употреблялось как и в калмыцком письме для знака х. Знак и в этих рукописях имел ту же косую черточку и кружок как и в калмыцком алфавите».

Калмыки пользовались старокалмыцкой письменностью до 1925 года. Эта письменность, подобно старомонгольской, со временем стала архаичной и малодоступной для широких слоев населения, не отвечала новым возросшим требованиям жизни. Поэтому вполне закономерной была замена старокалмыцкой, или зая-пандитской, письменности современной, основанной на русской графической системе.

Однако надолго сохранится великое значение старокалмыцкой письменности. Ведь письменная история народов, их культура, их письменная традиция начинаются с создания своей национальной азбуки.

Большая ценность «Тодо бичиг» в отличие от «Худма бичиг» заключается как в устранении буквенной бедности и полифонии знаков, так и в сохранении общемонгольской письменной традиции, позволившей обеспечить переход на новую письменность без особого труда.

«Тодо бичиг» представляет для монголоведения большой научный интерес, прежде всего тем, что эта письменность зафиксировала определенный этап в развитии монгольских языков вообще, а калмыцкого в особенности. Изучение этого этапа в развитии монгольских языков внесет определенный вклад в науку о языке.

Изложенные нами сообщения являются лишь началом к планомерному изучению богатого письменного наследия на «Тодо бичиг». Сделано в этом отношении очень мало и не может считаться сколько-нибудь удовлетворительным. Мы не имеем до сих пор ни одного солидного исследования на «Тодо бичиг». У нас нет еще ни одного изученного памятника на уровне современного требования.

Между тем, на этой письменности записаны ценные произведения устного народного творчества калмыцкого народа, сохранено значительное количество оригинальной исторической, юридической и отчасти художественной литературы. Большой интерес представляют документы, записанные на старокалмыцкой письменности об ойратско-русских отношениях, первые письма ойратов, свидетельствующие об их стремлении установить дружественные, братские отношения с великим русским народом, о добровольном вхождении калмыков в состав России и т. д.

Во многих архивах и книгохранилищах как нашей страны, так и за рубежом сохранилось немало литературы и различных материалов на данной письменности, представляющие большую практическую и научную ценность.

Академик Ришчен указывает в своей публикации «Ойратские переводы с китайского» ин-

интересные источники о литературе и рукописях на старокалмыцкой письменности, а также о реликвиях, связанных с Зая-Пандитой. Мы приветствуем монгольских ученых, начавших публикацию письменных памятников на «Тодо бичиг». Наш институт приступил к сбору материалов на старокалмыцкой письменности и публикации их.

Задача заключается в том, чтобы широко и планомерно изучить все имеющееся литературное наследие на старокалмыцком письменном языке и в полной мере использовать все то ценное, что имеется на этой письменности в целях дальнейшей разработки истории калмыцкого народа, истории развития калмыцкой литературы и литературного языка. Для этого все печатные и рукописные материалы, накопленные более чем за 320 лет, необходимо систематизировать, издать и перевести на русский язык, чтобы содействовать развитию всего нашего отечественного востоковедения.

Говоря о выдающемся значении старокалмыцкой письменности в истории калмыцкого народа, следует особо подчеркнуть, что эта письменность создала условия и возможности для успешного развития калмыцкой национальной культуры в условиях Советской власти и расцвета советской калмыцкой литературы и литературного языка.

Литературное наследие на старокалмыцкой письменности имеет неопределимое значение и в изучении истории развития калмыцкого литературного языка, позволяет раскрыть и расшифровать много неясных, непонятных процессов, происшедших в современном калмыцком языке.

В этом плане представляется целесообразным составить и издать специальные пособия по старокалмыцкой письменности, более полный калмыцко-русский словарь периода создания «Тодо бичиг», т. к. в словаре А. Позднеева имеются серьезные отступления от орфографии Зая-Пандиты, ввести курс старокалмыцкой письменности в Калмыцком педагогическом техникуме, особенно—в Калмыцком государственном педагогическом институте. В ближайшее время надо решить вопрос об изготовлении старокалмыцкого шрифта по существующим прекрасным образцам калмыцкой каллиграфии с учетом упущений, допущенных при первом заказе печатного шрифта.

В равной мере надо незамедлительно решить вопрос о знаках для транскрибирования старокалмыцких письменных текстов. Пуская в научный оборот ценные, малоизвестные, крайне полезные документы путем транслитерации на несовершенном алфавите и без соблюдения правил орфографии Зая-Пандиты, можно ввести в заблуждение лиц, не умеющих читать на «Тодо бичиг».

320-летие старокалмыцкой письменности вновь подчеркивает актуальность изучения богатого письменного наследия калмыцкого народа.